

УДК 1(091)+13+123+128

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-82-93

ЛИЧНОСТЬ РАННЕГО ЛОСЕВА – ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

Колесниченко Ю.В.

Институт деловых коммуникаций

125080, г. Москва, ул. Кипренского, д. 10, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен опыт философского портретирования личности великого русского философа А.Ф. Лосева на основе положения формирования ментальности учёного в казачьей среде. В процессе исследования автором применяется методика портретирования русской философско-психологической школы (П.А. Флоренский, А.Ф. Лазурский, С.Л. Франк, М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, Л. Карсавин, М.М. Рубинштейн, С.Л. Рубинштейн, Н.С. Трубецкой, А.А. Ухтомский). Доказывается положение, что ментальные особенности личности Лосева как философа сформировались под влиянием казачьего менталитета.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, казачество, казачий менталитет, философский портрет, русская философско-психологическая школа, символ, образ, личность.

A. LOSEV'S EARLY YEARS – AN EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL PORTRAYING

Yu. Kolesnichenko

Institute of Business Communications

10, Kiprenskogo st., Moscow, 125080, Russian Federation

Abstract. The article presents an experience of the philosophical portraying of the great Russian thinker Alexey Losev in respect to his mental growth in the Cossack environment. In the study the author uses a methodology of the Russian philosophical-psychological school (P. Florensky, A. Lazursky, S. Frank, M. Bakhtin, G. Shpet, L. Karsavin, M. Rubinstein, S. Rubinstein, N. Trubetskoy, A. Ukhtomsky) and proves that the features of Losev's philosophical personality were formed under the influence of the Cossack mentality.

Keywords: Alexey Losev, the Cossacks, the Cossack mentality, philosophical portrait, Russian philosophical-psychological school, symbol, image, personality.

В России никогда не угасал интерес к научному освоению реалистичных и целостных образов великих исторических фигур. В различных областях человеческого знания и деятельности довольно часто используется ряд понятий, в которых ключевым является слово «портрет». Сам термин «психологический портрет» указывает на существенный аспект его содержания – субъективную, личностную характеристику отображаемого человека.

Психологический портрет *как метод* представляет собой средство интеграции сведений о качествах исторической личности в их связи с её объективными биологическими основаниями и социальной историей. Наряду с этим он является инструментом системной психологической интерпретации. Портрет *как результат* отражает духовный мир личности, её содержание, ментальные отличия, когнитивные, эмоциональные, мотивационные и волевые свойства, а также особенности её деятельности и поведения. Таким образом, портрет создаётся как интегративная модель личности, как сочетание его базовых личностных оснований.

Психологический портрет в мировой культуре и науке получил своё развитие в XIX в. В России, равно как и на Западе, психологическое портретирование имеет свои теоретико-методологические традиции.

В Европе начала XX в. портретирование личности приобрело известность благодаря популярности теории психоанализа З. Фрейда.

В России портретирование исторически значимых деятелей зарождалось во второй половине XIX в. У его истоков стоял В.О. Ключевский [9]. В этом начинании у него были предшественники – Н.М. Карамзин и Н.И. Костомаров. К окончанию столетия стала складываться отечественная традиция портретирования исторически значимой личности.

Портрет значимой исторической личности, создаваемый посредством любой методологии, по своей природе *контекстуален* и всегда создаётся на фоне многомерной среды. Портрет существует в определённом историче-

ском, физическом, культурном, ментальном, политическом и, наконец, духовном и философском пространстве. Он связан с этими пространствами и имплицитно или эксплицитно включает в себя эти пространства, отражает и выражает их. Портрет связан с авторами и пользователями, при этом он связывает первых и вторых. В этом смысле, следуя за У. Джеймсом [7], мы можем говорить о *законе контекста*, в соответствии с которым глубинное понимание личности, осуществление её изучения и портретирования невозможно без учёта и осмысления контекстов, в которых происходит её развитие и бытие.

Портрет деятеля культуры живёт в реальном времени и во времени историческом. Он всегда воссоздает дух своей эпохи, отражает философию понимания сути человека и в этом смысле интересен людям будущего. Опираясь на идею *хронотопа* М.М. Бахтина [2, с. 9], мы можем говорить о том, что портрет всегда хронотопичен, в нём важно выражение неразрывности пространства, смыслового, духовного и онтологического наполнения времени той или иной эпохи, которую отражает человеческая личность. В этом смысле портрет философичен, онтологичен.

Портретирование в традициях русской философско-психологической школы с опорой на теорию образности использует каноны *иконописного* творчества. В своих главных принципах: целостности отражаемого объекта, иерархическом выстраивании описательной композиции – целостность структуры превалирует над аналитической установкой. Изначальный смысл, идея, тон и методы портретирования задают алгоритм заключи-

тельного синтеза как итогового содержания портрета. Аналитическая составляющая носит здесь всегда подчиненный характер и не стремится к самодостаточной полноте [15].

Отечественная философская портретология изначально базируется на идее внутреннего *эйдоса* Плотина. Его *внутренний эйдос*, или, по В.В. Бычкову, *визуализированная идея архетипа*, работает на выявление сущностной основы конечного результата портретирования, условно законченного портрета. Изображение и архетип подобны друг другу по форме, но отличаются от него по сути. Изображение тождественно образу, но отличается по значению сущности [5, с. 198]. Поэтому в византийской традиции, в частности, у Феодора Студита (759–826), это есть идея *онтологического портрета* человека, «а не сиюминутное состояние его внешности, отражающего, в частности, и душевные движения» [5, с. 202].

Истинное портретирование должно с необходимостью строиться на теории образности, т. е. на предпосылке целостного схватывания идеи портретируемого прежде детализации его характерных личностных черт. Образность как предустановленный синтез, *синкретия* идеи портретируемого есть основополагающее качество, условие портрета, принципиально отличающее его от иных, дискретных аналитических практик прикладной психологии.

Портретирование с необходимостью истолковывает личность по *аксиологическому принципу* по мере разворачивания портрета во времени, что выражается в символизме форм. Символическое по внутреннему призыванию своему – ресурс теургический, божественный, который реализуется

как некое магическое искусство.

Портретирование возможно только в области *личностного*, высшего, т. е. философско-психологического бытия. *Индивиды* и *субъекты* как структурные компоненты личности Я [1] портретированию, как правило, не подлежат. Портрет – это наглядное *бытие* личности в её внутренней и внешней социальной значимости и ответственности.

Возможны различные типы портретирования личности. Первый тип – *понижающий* уровень символического отражения портретируемого до уровня характерологии, по А.Ф. Лазурскому [13]. Здесь портретирование переходит от личности, взятой в своем социальном значении, к индивиду, который проявляется в первичных, естественных, исходных особенностях человеческой природы.

Второй тип – портретирование *возвышающего* типа как *идеализация* личности вплоть до символизации этой личности, придания ей статуса символа. «Портрет, фотография, снимок могут быть как знаком-представлением, так и знаком-символом (воплощением)» [8, с. 18]. Отсюда – «духоподъемная значимость, гуманитарная значительность» [8, с. 18] портрета.

Личность, в отличие от субъекта [1, с. 68, 75], является в мир своей предельной социальностью, в своём высшем индивидуальном предназначении. Личность есть портрет *Архиперличности* [10], её лик: она сама портретирует собой Архиперличность Христа, она не изображает её и не отображает, она *являет*, являет через себя социальную, ответственную сущность «Я», сущность индивидуальную.

Портрет может стать законченным образом личности тогда, когда он проявляет в себе свою *высшую социально значимую идею*. «Портрет <...> обязательно имеет некоторую временную глубину личности, временную амплитуду внутренних движений», – пишет П. Флоренский [21, с. 244]. Философ отмечает необходимость учитывать общую траекторию, по которой смещается и реформируется дуга личностных временных изменений, так как «есть общий путь внутреннего роста личности, рассматриваемой как связанное во времени целое» [21, с. 245].

Если *временной* портрет «задаётся охватить и выразить типическую форму отдельной волны, мало изменяющуюся на сравнительно узком промежутке биографии», то «безмерно более значащей задачей портретиста было бы изображение личности в этом её общем течении» [21, с. 245].

В том случае, когда попытки охватить это «большое движение» удавались, «они выводили портрет на путь иконописи», придавая портретируемой личности *символический статус* [21, с. 244].

Портретирование есть проникновение в сущностные глубины постижения смысла деятельности личности, выстраивание целостной картины личности при условии соблюдения определенных правил органичного сочетания анализа и синтеза, при ведущей роли последнего.

Портрет исторически значимой личности всегда есть некая *идеологема*. Отсюда с необходимостью вытекают идеологическое и воспитательное свойства портрета. Портрет может стать законченным образом личности тогда, когда он проявляет в себе свою

высшую социально значимую идею. По мере усиления значимости символа в иерархии символов, заложенных в системе ценностных кодов данной цивилизации, возрастает и рассматриваемой роль конечного итога портретирования.

В методологии портретирования имплицитно содержится идея принципиального *недораскрытия* сущности портретируемой личности, но также кроется однозначное стремление к полноте осуществления этой задачи.

Портретирование личности жидется на *законе единства сознания и деятельности*. Ф.Е. Василюк замечает, что «М.М. Бахтин, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев подчеркивали решающую роль не просто деятельности, а поступка на пути становления личности, приобретения разных степеней личности» [6, с. 161]. При этом портретирование предполагается с опорой на «пиковые поведенческие точки»: поступки, решения, конкретные проявления ценностных установок и ориентиров.

Портрет как символ философски *психологичен*, так как несёт ярко выраженную смысловую и эмоциональную нагрузку. Он призван передавать смыслы и соответствующие символические чувства, а именно те, что свойственны символической реальности в целом – способность возвышать. Портретирование рациональное, прагматическое, прикладное есть оформление портрета, своего рода его рама. Но не сам портрет. Портрет как феномен принадлежит области метафизической.

Методология герменевтического дискурса – эмпатия по отношению к объекту исследовательского инте-

реса – неотъемлемая часть процесса портретирования как особой формы эвристической деятельности. Поскольку портретирование эмпатийно, оно предполагает не беспристрастное исследование объекта субъектом, но превращение себя в другого: портретирующего в портретируемого – при соблюдении исследовательской дистанции.

Имя Алексея Федоровича Лосева, великого русского философа, рожденного 10 сентября 1893 г. в Новочеркасске, известно далеко за пределами Области Войска Донского. Сын потомственного казака, музыканта, и дочери протоиерея, мальчик с детских лет стремился к знаниям в самых различных естественно-научных и гуманитарных областях, глубоко интересовался вопросами веры. Духовное навсегда вошло в его творчество, стало стречнем его жизни, смыслом его личностного существования. Он, как и Владимир Соловьёв, не мыслил свою философию вне религиозного подвижничества, сверяя правду своей жизни с истиной религиозного знания.

Жизнь Лосева протекала в сложнейших условиях становления советской власти и её карательной идеологии, в периоды гонений и ссылок, запретов и ограничений. Учёный пережил Великую Отечественную войну и период сталинских репрессий, проведя 5 лет в лагерях, в результате чего полностью ослеп. Но воля его сломлена не была. Сам мыслитель так говорил о своей жизни: «У меня <...> целую жизнь горе: голова полна идей, а чтобы осуществить – надо было бороться и драться до крови» [4, с. 28].

А.Ф. Лосев, по своему психологическому типу являясь классическим

пассионарием, принадлежал к классу людей с необузданной энергией. Портретируя метафизику воли Алексея Федоровича, без преувеличения можно отнести его жизнь и творчество к категории подвига. Волевые качества Лосева по «психологическому контуру» относят его к «людям длинной воли» или «свободного состояния» (Л.Н. Гумилев).

Применяя вышеозначенную философско-психологическую методику портретирования относительно становления личности Алексея Федоровича Лосева в казачьей среде, выскажем следующие принципиальные соображения.

Итак, «этническая картина мира <...> – это представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант. Представления эти отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные. В целом этническая картина мира есть проявление защитной функции в её психологическом аспекте. Ментальность, таким образом, выступает как совокупность бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющих в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде» [18]. По мнению А.В. Сопова, «бессознательные образы, включенные в систему этнических констант тем или иным образом, определяют характер действия человека в мире <...> Ментальность – это система этнических констант, которая является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [18]. Н.М. Раки-

тянский полагает, что ментальность заключается «в единстве эмоциональной, познавательной, волевой и духовной деятельности» [16, с. 206].

Таким образом, ментальность, в отличие от менталитета, есть матрица взаимодействия *индивида* с окружающей средой, «психический инструментарий», тот способ существования в ней, который был усвоен личностью в уникальном этническом пространстве. При смене жизненных обстоятельств устойчивая ментальность индивида манифестирует похожим образом, являясь определяющим фактором его субъектности, выступающей в качестве личностного самосознания и поведения, жизненной самодетерминации. Вырванный из социального контекста формирования субъект и в новых для себя обстоятельствах продолжает практиковать привычный, усвоенный в традиционном этническом обществе способ взаимодействия со средой. Этот факт отчётливо демонстрирует жизненный путь Алексея Федоровича, выросшего в казачьей среде.

Ментальность есть этнически детерминируемая *воля* субъекта действия. Как отмечает А.В. Сопов, «важным компонентом традиционного сознания казаков является представление о личной свободе <...> Особое место занимают представления казаков о своих традициях, среди которых они выделяют, прежде всего, свободулюбие...» [18]. Отмечается также имеющая для нашего исследования первостепенное значение «хроническая оппозиционность и противопоставление себя государству» [18].

В связи с этим интересны замечания Л.Н. Столович о том, что «Лосев своими работами 20-х гг. “вызвал огонь на

себя” [19; с. 402]. Дело не только в том, что молодой философ не проявил никакого желания и намерения приспособиться в господствующей тогда идеологии <...> Он вступил в, казалось, донкихотскую схватку с этой идеологией...» [19; с. 402].

П.Н. Лукичев и А.П. Скорик (Новочеркасск, родина А.Ф. Лосева) считают определяющим качеством ментальности казачества некую суперпассионарность, которую они определяют, как свершение действия, вплоть до самопожертвования, ради отвлеченной идеи [14, с. 44]. Что касается А.Ф. Лосева, то он относится именно к пассионарному (по П.Н. Лукичеву и А.П. Скорик – суперпассионарному) психологическому типу личности. Подтверждением истинности этого утверждения является история создания и, что ещё более важно, издания основного философского труда раннего А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» (1930). На этапе цензурирования из работы было выброшено множество смысловых частей, имевших неоднозначное идеологическое содержание. Работа должна была выйти в свет в усечённом виде. В ночь перед выходом книги Лосев принимает решение тайно вставить в основной текст работы все вычеркнутые пролетарским цензором абзацы. Книга была напечатана в своем первоизданном виде. За непослушание властям, выраженное в столь дерзновенной форме, Алексей Федорович получил 10 лет лагерей, но никогда не раскаивался в содеянном. Учёный писал в письме к жене от 22 марта 1932 г., что задыхался от невозможности высказаться и выразиться. Он знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветавшую

индивидуальность для него, как для философа и писателя, превозмогло всякие соображения об опасности.

По мнению ученых, полиэтничное казачество вбирало в себя пассионариев со всех краёв, областей и кочевий, а это обуславливало становление суперпассионарного психологического склада характера и развитие способностей этих людей к сверхнапряжению [14, с. 44].

Вспомним о том, как работал Лосев на протяжении всей своей жизни. Супруга и соратница философа А.А. Тахо-Годи вспоминает о том, что «за кратчайший срок с 1927 по 1930 г. (т. е. в возрасте 34–37 лет – Ю.К.) Алексеем Федоровичем было издано восемь книг <...> Это были: в 1927 году “Античный космос и современная наука” (550 стр.), “Музыка как предмет логики” (262 стр.), “Философия имени” (254 стр.), “Диалектика художественной формы” (250 стр.); в 1928 году – “Диалектика числа у Платона” (194 стр.); в 1929 году – “Критика платонизма у Аристотеля” (204 стр.); в 1930 году – первый том «Очерков античного символизма и мифологии» (912 стр.) <...> И, наконец, <...> “Диалектика мифа” (тоже 1930 г., 250 стр.)» [20, с. 8]. Работоспособность А.Ф. Лосева была колоссальной, о чём высказывался и сам философ, говоря, что этого у него не отнять.

Ментальности казаков, как подчёркивают исследователи, соответствуют такие характеристики, как культ воинственности, удалства и молодечества. Так, А.В. Сопов подчеркивает, что «стержневой казачьей ментальной идеей является отождествление мужчины и воина <...> Для представителей современной цивилизованной Европы

и Америки война – это беда, несчастье. Для казака – неустрашимый момент бытия, религиозное действие, своеобразная инициализация [18]. Ментальные исследования «горячих точек» также подтверждают основные положения о суперпассионарной природе казачьей ментальности. Отмечается, что “экссессы поля боя” русских и казаков <...> не совпадают с подобными стереотипами других этнических групп. И те, и другие <...> принимали условия боя в качестве нормальной среды обитания, демонстрируя пароксизмы безумной храбрости» [3, с. 24]. Пароксизмы храбрости отчетливо демонстрировал и Лосев. Воспитанный в казачьей среде, он искренне считал свою жизнь уникальной, наполненной смыслом и непримиримо бился за такое понимание жизни до конца. Как подчёркивала супруга Лосева А.А. Тахо-Годи, всей своей жизнью Алексей Фёдорович доказал, что «один в поле тоже воин».

Одним из ярко выраженных ментальных компонентов казачества, проявлявшихся в личности А.Ф. Лосева, являлась патриотичность его сознания.

Понятие Родины у Лосева носит отчетливо феноменологический характер, она есть выражение тотальности, являет собой онтологический топос социального, личностного бытия, бытия индивидуального. По мнению Лосева, бытие личности, вне значимости её месторазвития, есть пустой философский знак, есть олицетворение бытия обезличенного [12].

«Родина, – пишет философ в своей знаменитой автобиографической книге «Жизнь», – есть общее, но не мыслительно, не логически только общее,

а физически и социально общее. Родина не есть то общее, которое только формулировано в голове, занумеровано и зарегистрировано в науке. Родина есть *реальное общее* (курсив наш – Ю.К.), которое меня реально породило с моим человеческим телом и с моей человеческой душой» [11, с. 40].

Учёный делает важный вывод относительно объективной значимости философского знания вообще: «Всякая философия, которая не питается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия. Её “обобщения” слишком узки и ничтожны; её “познание” слишком нежизненно, её “мир” и “бытие” – пустота и тюрьма, всезлостное исступление рассудка, безличное раскаяние живого духа на Голгофе собственного жалкого обожествления» [11, с. 40].

Чрезвычайно важной метафизической компонентой знания А.Ф. Лосева выступает онтологическая эстетика, лежащая в основе миропостижения через приобщение к прекрасному, через аксиологическое постижение бытия. Лосев стремится подчеркнуть, что человека, личность нельзя рассматривать исключительно в парадигме причинно-следственных отношений. «Человек имеет не только физическое тело, но и личность, сознание, самосознание (т. е. личность, понимаемую именно деятельно, через принцип субъектности – Ю.К.). Куда деть человеку его собственное «я»! Это «я» нельзя уничтожить или растворить в процессах физико-химических или биологических. Это – элементарная социальная клетка великого социального организма...» [11, с. 38].

Мыслитель подчёркивает момент *конкретности* личностного бытия:

«... и для личности, для «я», для сознания, для субъекта *тоже есть свой род* и свои родственные отношения» [11, с. 38]. Их казак Лосев понимает *в евразийской парадигме*, а именно так, что указанные отношения «вытекают из факта совместного происхождения на одной и той же почве, из одних и тех же корней <...> духовное «я» человека точно так же, как и субъект его, его социальная личность порождается в той социальной атмосфере, которая ему родная» [11, с. 38]. Стихия, в которой личность содержится «в своей последней интимной сущности» [11, с. 38], по Лосеву, и есть Родина. Она – «величайшая категория человеческого разума вообще». Родина – «месторазвитие» социально значимого индивида [11, с. 38].

Философия Лосева жизненна, конкретна. Отвлечённые философские начала, в том числе и горячо любимой им онтологической эстетики, не заменяют в его душе любви к ещё большей философской ценности – самой жизни, которая несравнимо богаче «расслабляющего центры нашей души и развращающего волю» [11, с. 33] созерцания красоты.

Религиозность Лосева, при всей её неисчерпаемой глубине, имела специфически манифестируемую суть, характерную для казачьего типа ментальности в целом. «Это была пассионарная религиозность, не требующая внешних форм – обязательных и строго соблюдаемых ритуалов культовой обрядности. Она не нуждалась в опоре на воспроизводство культовой знаковой системы <...> Данная религиозная пассионарность проявлялась не во внешних церковных ритуалах, а носила характер ощущения внутренней

связи с Богом, неритуализированной, нерегламентируемой связи» [14, с. 44].

Вспомним, что большую часть своей жизни профессор Лосев прожил монахом в миру, исповедуя религию ежедневным внутренним подвигом. С момента принятия тайного пострига в 1929 г. и до самой кончины в 1988 г. философ был предан идее глубочайшей внутренней религиозности (исихазм), идее божественной предопределенности человеческой жизни, человеческой судьбы.

В связи с вышесказанным, следует согласиться с Ю.А. Ростовцевым, сказавшим о Лосеве следующее: «Никакие разговоры о оставляющих личности не дадут ничего, если мы не примем во внимание самого человека, его характер, навык трудиться, его волевою, целеустремленную натуру. Вот где все начала – в нём самом, в интересе к жизни и духовному напряжению, в его желани быть тем, кем он стал» [17; с. 364]. Добавим, что одним из важнейших факторов формирования уникального склада личности Лосева явился казачий менталитет.

Подчеркнем, что философско-психологическое портретирование личности А.Ф. Лосева в связи с тра-

диционной методикой русской исследовательской школы носит *возвышающий характер*, с необходимостью содержит идеологический, патриотический заряд. А.Ф. Лосева можно смело отнести в категории самых патриотичных русских мыслителей современности. Мировая известность Лосева – результат манифестирующей пассионарной ментальности его личности, взращённой казачьей средой.

В заключение хотелось бы отметить, что без понимания сути философско-психологического портрета Лосева невозможно постичь уникальность способа его философствования, особенности постижения им жизни и бытия в целом. Для философа Лосева, равно как и для казака Лосева, жизнь представляла собой главную ценность, данную человеку Богом. Страстное патриотическое отношение к Родине, невероятная работоспособность, великое напряжение жизненных и творческих сил, горение, любовь к справедливости, удасть, неустанная воля к свободе суть сущностные качества казачьей ментальности, которые определили психологический склад личности Лосева, обеспечили уникальное своеобразие его жизни и творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Бахтияров О. Повстанец // Родина. 1988. № 4. С. 21–24.
4. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 416 с.
5. Бычков В.В. Древнерусская эстетика. М.: Храм Татианы (Святой мученицы) при МГУ, 2012. 832 с.
6. Методология психологии: проблемы и перспективы. / Ф.Е. Василюки др. под общей редакцией В.П. Зинченко. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 509 с.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
8. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 562 с.

9. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1991. 624 с.
10. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодолённая феноменология. Вл. Соловьёв и М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 105–116.
11. Лосев А.Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб.: Комплект, 1993. 377 с.
12. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
13. Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995, 271 с.
14. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность: сб. науч. стат. V Всероссийской (международной) научной конференции. Новочеркасск, 26–29 сентября 2015 г. Новочеркасск: Новочеркасский государственный технический университет, 1995. С. 31–55.
15. Ракитянский Н.М., Колесниченко Ю.В. Философско-психологическое измерение проблемы портретирования личности политика // Конфликтология / Nota bene. 2015. № 2. С. 218–233.
16. Ракитянский Н.М. Категория менталитета в пространстве психологии веры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009, № 4. С. 205–210.
17. Ростовцев Ю.А. Марафонец (Слово о Лосеве): послесловие // Лосев А.Ф. Держание духа. М.: Политиздат, 1998. С. 340–365.
18. Сопов А.В. Некоторые особенности ментальности казаков [Электронный ресурс] // Русская традиционная культура: [сайт]. URL: <http://www.ru.narod.ru/bks/problem/mentaln.htm> (дата обращения: 20.02.2017).
19. Столович Л.Н. История русской философии: очерки. М.: Республика, 2005. 495 с.
20. Тахо-Годи А.А. Алексей Федорович Лосев. Краткое жизнеописание // Алексей Федорович Лосев. Из творческого наследия. Современники о мыслителе / подгот. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкий. М.: Русский мир, 2007. С. 5–39.
21. Флоренский П. Собрание сочинений. История и философия искусства. М.: Мысль, 2000. 444 с.

REFERENCES

1. Anan'ev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an Object of Cognition]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p.
2. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p.
3. Bakhtiyarov O. Rebel. In: *Rodina* [Homeland], 1988, no. 4, pp. 21–24.
4. Bibikhin V.V. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev]. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2004. 416 p.
5. Bychkov V.V. *Drevnerusskaya estetika* [Ancient Aesthetics]. Moscow, The Church of Tatiana (Holy Martyr) at Moscow State University Publ., 2012. 832 p.
6. Vasilyuk F.E. and oth. *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy*. [Methodology of Psychology: Problems and Prospects]. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013. 509 p.
7. James W. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [The Varieties of Religious Experience]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 432 p.
8. Il'in V.V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [The Theory of Cognition. Symbolology. The Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 562 p.

9. Klyuchevskii V.O. *Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoi mysli* [Historical Portraits. Historical thinkers]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 624 p.
10. Kolesnichenko Yu.V. The philosophy of the individual as overcome phenomenology. VL. Solov'ev and M.M. Bakhtin. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2012, no. 1, pp. 105–116.
11. Losev A.F. *Zhizn'. Povesti, rasskazy, pis'ma* [Life. Novels, Stories, Letters]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993. 377 p.
12. Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Soloviev and His Time]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 617 p.
13. Lazurskii A.F. *Ocherk nauki o kharakterakh* [Essay on Science about Characters]. Moscow, Nauka Publ., 1995, 271 p.
14. Lukichev P.N., Skorik A.P. Cossacks: historical and psychological portrait. In: *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost': sb. nauch. stat. V Vserossiiskoi (mezhdunarodnoi) konferentsii. Novochoerkassk, 26–29 Sentyabrya, 2015 g.* [The Revival of the Cossacks: History and the Present: a Collection of Research Articles. The 5th All-Russian (International) Conference. Novochoerkassk, September, 26–29, 2015]. Novochoerkassk, Novochoerkassk State Technical University Publ., 1995, pp. 31–55.
15. Rakityanskii N.M., Kolesnichenko Yu.V. Philosophical and Psychological Dimension of the Problem of Portraying Politician's Personality. In: *Konfliktologiya. Nota bene* [Conflictology. Nota Bene], 2015, no. 2, pp. 218–233.
16. Rakityanskii N.M. Category of mentality in the area of psychology of faith. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics], 2009, no. 4, pp. 205–210.
17. Rostovtsev Yu.A. Marathon Man (A Word about Losev): the epilogue. In: *Losev A.F. Derzanie dukha* [The Daring of the Spirit]. Moscow, Politizdat Publ., 1998. pp. 340–365.
18. Sopov A.V. Some of the features of the mentality of the Cossacks. In: *Russkaya traditsionnaya kul'tura* [Russian Traditional Culture]. Available at: <http://www.ru.narod.ru/bks/problem/mentaln.htm> (accessed 20.02.2017).
19. Stolovich L.N. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 2005. 495 p.
20. Takho-Godi A.A. Alexei Fedorovich Losev. Brief Biography. In: *Aleksei Fedorovich Losev. Iz tvorcheskogo naslediya. Sovremenniki o myslitele* [Aleksey Fedorovich Losev. Abstracts from His Works. The Contemporaries about the Thinker]. Moscow, Russkii mir" Publ., 2007. 776 p.
21. Florenskii P. *Sobranie sochinenii. Istoriya i filozofiya iskusstva* [Collected Works. History and Philosophy of Art]. Moscow, Mysl', 2000. 444 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии Института деловых коммуникаций;
e-mail: Julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD in Philosophy, Head of the Department of Philosophy at the Institute of Business Communications;
e-mail: Julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Личность раннего Лосева – опыт философского портретирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 82-93.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-82-93

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kolesnichenko Yu.V. A. Losev's Early Years – an Experience of Philosophical Portraying. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 82-93.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-82-93